

Немного слов о Лоре.

Лора Акай – анархистка, путешествующая по миру, знающая больше 5 языков, и прожившая много лет в России, являвшись активным участником анарходвижения. Данная брошюра - своеобразный сборник статей, написанных Лорой на русском языке почти 10 лет назад, но не менее интересных, актуальных и полезных для саморазвития.

СОДЕРЖАНИЕ:

20 лет в анархии.....	1
Два слова о сытом и свободном капитализме.....	9
Анархисты и "леваки": почувствуйте разницу!.....	11
«Мухерес Либрес» (Свободные Женщины).....	19

20 лет в Анархии

В этом году (1997) я праздную годовщину: 20 лет назад я узнала, что такое анархизм, и решила, что это слово мне нравится. С того времени у меня были и периоды интенсивной деятельности, и периоды политической изоляции, я принимала участие в деятельности различных политических групп, участвовала в самых разнообразных проектах (иногда успешных, а иногда провальных), сотрудничала со множеством радикальных изданий, большинство которых выходили 2-3 года, а некоторые существуют и сейчас, познакомилась со множеством людей, некоторые из которых навсегда стали моими друзьями. Мои личные опыты, связанные с политикой, были иногда смешными, иногда грустными, порой странными, и вот я решила написать для "Наперекора" нечто вроде личной политической биографии. В результате получились эти заметки - не то чтобы биография, но, по крайней мере, отрывки из неё.

\

ЧУДЕСНЫЕ ГОДЫ

Иногда люди спрашивают, как я стала анархисткой. Но, на самом деле, все дети рождаются анархистами - это уже потом их учат послушанию. Многие молодые бунтуют, но не все понимают, почему. Я как-то поняла. В дни моего детства и юности жизнь в США была очень политизирована, повсюду можно было услышать либеральные и даже радикальные речи. Я ездила в Вудсток и для меня нормально было видеть секс, наркотики и рок-н-ролл. Мне было весело. Но в церкви пугали адом, куда, по мнению священников, должны были попасть все хипари, так что по ночам меня мучили кошмары о моих братьях и сёстрах в аду. Это прекратилось, когда я поняла, что священники так же, как и родители, отчасти - садисты, а отчасти - сумасшедшие. А в это время по телевизору показывали вьетнамскую войну, я смотрела телевизор и не могла понять, как же люди могут так поступать. Это было время феминизма и "чёрной власти" (т.е. движений чернокожих за свои права). Поскольку я играла в баскетбол лучше всех мальчиков, я быстро поняла, что половая сегрегация и связанные с ней стереотипы - дерьмо. Мама одевала меня в белое платье, и я играла в грязи. Тогда многие говорили о феминизме, и я была согласна с ними, хотя бы я и воспринимала феминистские идеи несколько примитивно. Насчёт "чёрной власти" - мои друзья были чернокожими, и они мне нравились. Часто мне намекали (или даже прямо говорили, как, например, мои родители), что с чёрными дружить не стоит из-за их расы, и меня это возмущало. Очень рано я поняла, что такое расизм, страдала из-за него также как и мои друзья. Ведь если правда в том, что все мы равны (об этом постоянно говорят в Америке), почему же я слышала то, что слышала? Я наблюдала мир вокруг себя и осознавала его лицемерие. Среди детей, которых я знала, были и те, кто постоянно лгал, но как раз им учителя и родители доверяли. Если между нами возникали ссоры, они говорили что-нибудь вроде: "А Лора украла мой карандаш!" - и хотя это было неправдой, им всегда верили, а меня всегда наказывали. Я поняла, что нет правды на Земле, а вот Никсон у нас президент, он достиг своего положения, потому что лгал лучше других. Когда по телевизору показывали Уотергейт, стало ясно, что он лжец, и даже не просто лжец, а из тех, кто может клясться перед всеми, что я, мол, не вор, тогда как весь мир знает о его махинациях. "Ах, Никсон", - думала я - "А ведь есть на Земле люди, которые будут бороться против тебя". Да, действительно, мне нравился феминизм, коммуны свободной любви, "Чёрные Пантеры", и я ненавидела учителей, священников, родителей, политиков, детей-сикофантов, словом - всех лжецов вокруг меня, делавших мир таким несправедливым, всех тех, кто лгал, наказывал, угрожал, контролировал. Можно сказать, что я постепенно стала анархисткой, но тогда я ещё этого не знала. Неизгладимое впечатление произвели на меня экономические реалии. Мы не были богатыми, а некоторые из моих друзей были бедными, настолько, что могли обедать лишь в бесплатных школьных столовых. Нам часто говорили, что в Америке, если человек хорошо работает, то он будет хорошо жить. Но я видела, что это не так. Мои чернокожие друзья бедствовали, и я видела, что это связано с их цветом кожи - на них смотрят, как на людей второго сорта и им (или их родителям) очень трудно найти хорошую работу. Потом я поняла, что дело не только в этом, мои родители были белыми, очень много работали и жили совсем не богато, в то же время я видела богатых сук, которые не делали ничего, только весь день пили чай и носили бриллианты. Что-то было не так. В конце концов, я начала читать о коммунизме, и думала, что я коммунистка. Потом я узнала об анархизме и поняла, что эта философия мне больше подходит, но все-таки чувствовала себя коммунисткой. Я называла себя коммунистом-анархистом, и мне было интересно, есть ли ещё такие люди, как я. Начало 70-х годов было временем общественного активизма и даже дети могли участвовать в различных социальных движениях. Среди моих учителей были либералы-шестидесятники, которые учили нас самоорганизовываться. Были скауты и другие молодёжные организации. Печатали журналы и инфо-листовки. Конечно, меня прежде всего интересовали очень специфические проблемы. Одной из моих первых политических акций было участие в борьбе за право девушек играть вместе с мальчиками в американский футбол. В качестве прямого действия, мы больно побили мальчиков из футбольной команды. Нас наказали, но потом разрешили играть в общей команде. Несколько позже я стала панком. Когда я увидела глупых панков со свастиками, написала и расклеила листовки против расизма, и тогда же я познакомилась с первым в своей жизни анархистом...

ЖИЗНЬ НА ДОРОГЕ

Иногда родители просто ничего не понимают. Что до моих родителей, то они были озабочены моими "психическими проблемами". Мне совершенно не хотелось жить обыкновенной жизнью, делать карьеру, думать об одежде, смотреть телевизор, скучать до смерти. Поэтому родители решили, что мне нужно быть под постоянным присмотром "компетентных" людей, т.е. лечь в психушку. Такое идиотство встречается у нас довольно часто, и мне не оставалось ничего другого кроме как стать, подобно многим, - "ребёнком улицы". Как жили мы на улице? Ну, все по-разному, это ведь, в первую очередь, зависит от тусовки. Лично у меня было множество друзей из богемы - художников, музыкантов и т.п., так что всегда было, где вписываться. Но, с другой стороны, вписываться не всегда интересно, поэтому мы часто ночевали под открытым небом, например в парке. Как-то раз меня пригласил один знакомый жить с ним под одной крышей и, соответственно, платить половину аренды. Я согласилась, но только после того как услышала, что в этом доме - арендная забастовка. Что за забастовка? А это когда жильцы недовольны действиями хозяев (например - если хозяева повышают квартплату) и отказываются платить аренду. Там, где я поселилась, такая забастовка длилась несколько месяцев, и всё это время я жила в роскошной квартире совершенно бесплатно. После этого мы с друзьями хотели устроить сквот, но нас тогда, к сожалению, было не много. Всё неудачно получилось. И вот пошла жизнь в автобусе. Не знаю, чей это был автобус. У нас имелись на него документы, но никто не знал владельца. Думаю, это был какой-нибудь старый хипарь, который просто оставил его нам... чёрт его знает! Мы жили в этом бесхозном автобусе и катались на нём по всему городу. Там было несколько матрасов (мы нашли их в мусоре), наши личные вещи, не менее тонны разнойполитической литературы, которую мы продавали на улицах, и несколько бейсбольных бит, предназначенных для самозащиты. Мы могли парковаться на определённых улицах в определённое время, например, после полудня нас можно было найти на 6-ой авеню, где мы обычно продавали литературу. К 5-ти или 6-ти надо было парковаться уже в другом месте. Те, кто знал наше расписание, легко могли нас найти, и потому в гостях недостатка не было. После 21 часа мы парковались возле ресторана "Киев". Даже и сейчас, 15 лет спустя, в этом месте продают радикальную литературу, но мало кто знает, что мы были первыми, кто начал это там делать. Я не только продавала книги, но и зарабатывала на жизнь, делая серьги и разную прочую бижутерию. С 60-х годов был маленький богемный уличный рынок недалеко от Третьей авеню, но когда в начале 80-х началась джентрификация района (т.е. реконструкция в интересах яппи), владельцы лавок договорились с полицией, и последняя начала "зачистку", стала выгонять уличных торговцев. Мы сопротивлялись. Многие тогда получили штрафы на тысячи долларов, а однажды полиция захватила наш автобус и конфисковала товары. Мы обратились в суд. Радикальные адвокаты (да, есть и такие) нам помогли, и, хотя не удалось легализовать всю уличную торговлю, суд постановил, что полиция не может запретить продажу книг на улицах, так как это право включено в первую поправку к конституции. Сейчас в Нью-Йорке многие безработные торгуют книгами, поскольку это единственное, что можно продавать на улицах без специального разрешения. Иногда у нас были столкновения. Например, с людьми из группы "Женщины против порнографии" (они почему-то всегда ставили свой лоток рядом с нашим). Возникали проблемы и с обывателями. И не только за пределами нашего богемно-радикального гетто. Им, обывателям, не нравился старый жёлтый автобус с надписью "FUCK REAGAN" (Ёб Рейгана). Как я уже сказала, по ночам мы парковались возле ресторана "Киев". Это был странный район. Кроме панков, там ещё жили старые украинские реакционеры, в прошлом несомненно связанные с какими-то националистическими организациями. Нас они не любили, потому что когда в районе массами начали селиться панки, жизнь там сделалась совершенно невозможной. Как-то раз у нас был доклад о Махно, туда пришли старики-украинцы, и они хвастались тем, что в своё время убили множество анархистов. А однажды в 4 часа утра мы спали в автобусе, как вдруг были разбужены страшным грохотом. Это был украинский "авангард" (впрочем, сами они вряд ли знали слово "авангард"). Они молотили по автобусу бейсбольными битами. Захватив наши собственные биты, мы выскочили наружу (даже в Америке эти украинцы остались сексистами: несмотря ни на что, никто из них не хотел драться со мной). Стали разговаривать. "Почему у вас написано "Ёб Рейгана"? Вы что, коммунисты? Поезжайте жить в Россию!" (типичный совет радикалам вплоть до начала 90-х). Оказалось, что им даже не то чтобы нравится политика Рейгана, просто они ненавидят СССР. А Рейгана

они любят за то, что он тоже СССР ненавидит. Мы им объяснили, что не разделяем их любви к Рейгану, но вот к советскому государственному строю и КПСС относимся также, как они. Нас спросили: "А почему тогда вы не написали "Ёб Андропова"?" Я взяла баллончик с краской и с удовольствием написала на автобусе: "Ёб Андропова". Это украинцев удовлетворило, и они ушли. Некоторое время спустя Андропов умер, но надпись на автобусе осталась, никто не собирался её стирать, и нас часто обвиняли в некрофилии. Вообще, когда Рейган был президентом, мы его очень не любили. Мы даже собирались вместе смотреть по телевизору его выступления, и обычно все кончалось тем, что в телевизор летели разные предметы. По-видимому, такие действия укрепляли нашу политическую солидарность. Тогда же несколько наших уехали в Никарагуа, чтобы жить там и работать. Я решила ездить по стране. Мы путешествовали, жили в анархо-коммунах, мы даже организовали музыкальный тур "Рок против расизма". Теперь у нас был "звуковой грузовик", без крыши и с мощными звуковыми колонками. Без проблем можно было устраивать мобильные концерты. Один из таких концертов (вероятно, самый крутой) состоялся в Вашингтоне. Дело в том, что как раз в это время начался моральный консервативный джихад. Тогдашний секретарь внутренних дел Джеймс Ватт решил, что музыкальная группа "Бич Бойс" - по-русски - "Пляжные мальчики" (вершина американской попсн) слишком декадентна, чтобы выступать на ежегодном концерте 4 июля. В результате на концерт собрали самых нудных певцов, каких только можно было себе представить. Но в это же самое время мы провели свой панк-концерт рядом с официальным. До сих пор я не понимаю, почему полиция, зная о наших музыкальных возможностях, разрешила нам это сделать. Может быть, им тоже не нравился официальный концерт? Кто знает. Во всяком случае, всё получилось классно, мы расположились на противоположном от официального концерта крае гигантской площади и врубили технику на полную мощность. Значительная часть тусовки быстро перетекла к нам, люди слышали нечто необычное. У нас выступали такие замечательные группы, как "Dead Kennedys", "Millions of Dead Cops", и многие другие. Нужно сказать, что на моей памяти осталось великое множество конфликтов, связанных с противостоянием полиции и этот случай был скорее исключением из правил. Впрочем, он не был единственным. Похожая ситуация возникла, когда мы (т.е. группа нью-йоркских анархистов) проводили кампанию по выдворению из города бывшего президента Никсона. Ричард Никсон был, вероятно, одной из наиболее ненавидимых фигур в Америке. Так что даже когда он ушёл на пенсию, мы не хотели оставлять его в покое, особенно из-за событий в Камбодже. В течение нескольких лет часть нашего хеловинского ритуала заключалась в том, что мы приезжали в полночь к дому Никсона в штате Нью-Джерси, чтобы кидать туда яйца. В первый раз, когда мы проделали эту операцию (мы при этом дико кричали), у Никсона чуть не случился инфаркт. Через год мы всё повторили, и опять неожиданно для него (он нас явно не ждал). Но потом он, видимо, понял, что речь идёт о ритуале и в покое мы его всё равно не оставим. Тогда Никсон решил, что ему больше не нравится Нью-Джерси, и что нужно перебраться в Нью-Йорк. Для нас, нью-йоркцев, это было уже слишком. Буржуи всегда жаловались на нелегальных иммигрантов из Гаити или Доминиканской республики, дескать они засоряют Нью-Йорк, но у нас было другое мнение на этот счёт. Мы-то понимали, что господин Никсон одним своим присутствием испортит наш прекрасный город. И мы решили действовать. В результате была проведена небольшая, но весьма эффектная компания протеста. Рассчитывали мы вот на что. Если кто-либо хочет приобрести квартиру в кооперативном доме (а именно в таком доме и собирался поселиться наш друг), ему необходимо получить на это согласие всех жильцов дома на общем собрании. Обычно это пустая формальность: богатые любят богатых. Но бывают и исключения из правил, например, если речь идёт о какой-нибудь рок-звезде, известной своим скандальным поведением, общее собрание может ему (ей) и отказать. Нам удалось выяснить время, на которое назначено голосование, и мы заявили властям о своем намерении провести митинг протеста перед будущим жильём Никсона. Странно, но мы получили разрешение на проведение митинга не только в назначенный день и час, но и в любое время в течение месяца - что-то весьма необычное. Кажется, даже полиция не любила героя Уотергейта. В назначенный день мы пришли на пикет. Менты вели себя исключительно вежливо, рассказывали анекдоты про Никсона, а недовольным жильцам объясняли, что всё законно. Возле нас останавливались машины и водители громко ругали Никсона. Единственными людьми, не поддержавшими нашу акцию (вот он, яркий пример классово-реальной реальности) оказались жители этого богатого района. Они злились, пытались вступить с нами в конфронтацию (один жлоб с бейсбольной битой пытался нас атаковать) и требовали, чтобы менты нас арестовали. "Не можем", - был ответ. В

конце концов, пришли директора кооператива, и мы заявили им, что нам весело, что мы будем приходить сюда каждый день, и что ничего тут не поделаешь. В итоге господину Никсону пришлось остаться в Нью-Джерси, общее собрание ему отказало. Наверное, жителям дома не хотелось непрерывных скандалов.

СКВОТТЕРСТВО

Во второй половине 70-х годов создались условия, благоприятные для сквоттерства. В это время американское правительство проводило политику, в результате которой в крупных городах оказалось множество пустующих зданий. Способствуя удорожанию жилья, правительство стремилось очистить города от бедняков, препятствуя, таким образом, возникновению "зон нищеты", могущих стать центрами сопротивления. Но всё же сквоттерское движение возникло не сразу, потому что очень тяжело было создавать сквоты, особенно, если они были политизированными. Попытки реализовать подобные проекты обычно наталкивались на сильное сопротивление властей и вызывали репрессии. (В этой связи можно вспомнить нападения полиции на сквот движения "MOVE" в 1979 и 1983 годах, в результате чего погибли люди). Успех или неудача зависели от многих факторов, таких, например, как решимость самих сквоттеров, их готовность к сопротивлению, поддержка сквота со стороны, позиция местных властей. Иногда более успешными, чем другие, оказывались захваты зданий в пригородах: видимо, это меньше раздражало власть. Но, с другой стороны, мало кто хотел селиться на окраинах городов, и к тому же, такие сквоты труднее было защищать от "наездов" полиции. Одно из течений сквоттеров - люди 30-40 лет, обычно с высшим образованием, стремились договориться с властями на "взаимовыгодных условиях": вы нас легализуете, а мы обязуемся сделать ремонт здания, "довести" его до определённого стандарта. Но нужно иметь в виду, что это могло стоить 20-40 тысяч долларов на человека. Дёшево, конечно, по сравнению со стоимостью квартиры в Нью-Йорке, но у многих сквоттеров таких денег не было, если же они вкладывали в ремонт меньше, чем требовалось, у них возникали проблемы с властями. Вообще говоря, полиция стремилась, прежде всего, вычистить политизированные сквоты. Лично у меня было несколько опытов с оккупацией зданий. В одном из них человек, владевший лавкой неподалёку (опять-таки, украинский реакционер) атаковал моего друга с железной палкой. Потом, в другом сквоте, нас всех арестовала полиция, потому что кто-то убил мента неподалёку. В ещё другом сквоте, где я некоторое время жила, лестницы до такой степени прогнили, что проваливались под ногами. Сквоты могли быть в очень плохом состоянии, здания в центре городов обычно требовали капитального ремонта - иногда не было даже крыши, были проблемы с водой и электричеством. Сквоттеры старались их отремонтировать подешевле. На стройках можно было воровать стройматериалы, мебель брали на помойке (не нужно думать, что это была плохая мебель - богатые часто выбрасывают на помойку хорошие вещи). Один из самых интересных сквотов, где я жила, был организован в бывшей пивоварне. Жили мы там в гигантских чанах из-под пива. Этот сквот процветал, главным образом, за счёт туризма, потому что было очень много глупых яппи, желавших посмотреть на столь необычный для американцев образ жизни, а мы брали с них втридорога за просмотр. Жить там было интересно, большую часть жильцов составляли музыканты - любители панк-рока и почти всё время шли репетиции. Душ, правда, был всего один, на три этажа, поэтому некоторые жили грязно, а некоторые... ну, словом, без всяких глупых комплексов. С другой стороны, в США вообще проблемы с водой, воду надо экономить, так что с экологической точки зрения мы жили правильно.

Один из наиболее тяжёлых вопросов для анархистов, участвующих в коммунарских и сквоттерских проектах, это вопрос о взаимоотношениях с соседями. Существуют буквинистские фантазии о том, как жители соседних домов собираются на коммунальный совет, где и решают разные вопросы, связанные со своим бытом. На практике, однако, часто случается так, что для подобных объединений жильцов присутствие радикалов в районе является проблемой, и жильцы, пытаясь эту проблему решить, обращаются в полицию. Конечно, анархисты бывают разные, есть более домашние, есть и совсем дикие. Обычно это - кучка странных, свободолюбивых бандитов, способная быстро превратить любой дом в довольно-таки весёлое место. Естественно, менты

достаточно часто наведываются в такие места, и естественно, что подобные вещи действуют на нервы соседям, будь то буржуазный или рабочий район. Наибольшую терпимость к анархистам проявляют обитатели богемных гетто, поэтому многие анархисты стремятся жить именно в богемных районах. Мне лично кажется, что у коммунарских проектов (необязательно сквоттерских) наилучшие перспективы или в богемных районах, или там, где живут люди, отчуждённые от системы - бедные рабочие или иммигранты. Если дела идут удачно, то коммунарам удаётся организовать продовольственные кооперативы, где люди работают добровольно и продают продукты без расчёта на прибыль, а также различные альтернативные проекты: библиотеки, театры, кафе, бесплатные кухни для бедных и бездомных. О последнем следует поговорить особо, в США многие анархисты участвуют в подобных проектах. Я сама участвовала в двух - в Сан-Франциско и в Нью-Йорке. Как всё делалось? Однажды мы присмотрели пустующее помещение и захватили его. Там был небольшой дворик, где посадили какие-то растения и назвали это место "Ла Плаца Культура" (потом, правда, менты его разрушили). Мы организовали там же и альтернативную кухню, местные жители дали нам посуду: тарелки, вилки, ножи. Каждый день дежурные по кухне отправлялись в поход за продуктами по магазинам, где мы брали в основном старые фрукты и овощи. Конечно, мы их не покупали. В США и Канаде нельзя продавать такие чумазые помидоры (и прочие продукты), как в России, в магазинах нам их отдавали задаром, так что можно было жить на отбросах буржуазного общества. Были места, где торговцы нам симпатизировали и одаривали свежими продуктами, кое-что приносили и местные жители (в том числе даже служители церкви) и иногда мы закатывали настоящие пиры. При этом мы постоянно старались произвести друг на друга впечатление различными кулинарными открытиями и умением приготовить кое-что из ничего, были и дни экспериментальной кухни (это происходило каждый раз, когда у нас оказывались странные сочетания ингредиентов, например, только бобы и ореховое масло). Мы гордились нашей кухней и скоро там можно было питаться как в ресторане. Постепенно эта кухня стала настоящим тусовочным центром, мы стремились политизировать бедняков, объясняли им принципы самоорганизации и взаимопомощи, мы хотели, чтобы они гордились собой, а не убивали себя наркотиками и алкоголем. Однако, в конце концов, как я уже сказала, полиция закрыла "Ла Плаца". Но люди продолжили начатое дело, в сквоте на 13-ой улице. Там были устроены жилые помещения, комната для музыкальных выступлений и репетиций, и кухня, которая разместилась на первом этаже. Как и прежде, было много продуктов, и в столовой могли кушать все, кто хотел. Люди приходили и уходили, те, кто мог, оставляли продукты или деньги (для денег была специальная чашка, стоявшая у всех на виду). Могут спросить - как же так, деньги валялись у всех на виду, а ведь к вам мог прийти кто угодно? Ни для кого не секрет, что капиталистическое общество (равно как и "реальный социализм") воспитывает людей в духе эгоизма и взаимного недоверия. Но мой личный опыт говорит о том, что чем больше доверяют людям участники альтернативных проектов, тем лучше люди себя ведут (хотя, конечно, случаются и инциденты). Как реагировали на происходящее наши соседи? Но дело в том, что все описанные выше события происходили в богемных районах. Кроме того, там жили бедные иммигранты и яппи. Эти последние всегда были большой проблемой для участников альтернативного движения. Дело обстоит следующим образом: стоит только андеграундным элементам обосноваться в каком-нибудь месте, как туда слетаются, как мухи на мёд, буржуазные художники, привлечённые необычной атмосферой и культурными экспериментами, а следом за ними проклятые яппи, ведь они так хотят быть модными! В свою очередь, домовладельцы, понимая, что теперь район стал богаче, повышают квартплату и стремятся очистить его от радикалов. Впрочем, некоторые домовладельцы были либералами и не возражали против нашей деятельности, кое-кому даже нравилась бурная жизнь. Другие жаловались на бездомных, им было неприятно видеть этих жертв "капиталистического гуманизма", куда как приятнее смотреть дома "Династию". Там, где мы делали проект "Ла Плаца", был местный совет, куда входили и радикалы, но большинство составляли обыватели, ими манипулировал местный торговец недвижимостью, который стремился превратить район в миленькое уютное буржуазное гнёздышко, предварительно выжив оттуда всех тех, кто не вписывался в его представления об американском образе жизни. Порой ситуация вокруг сквотов была близка к гражданской войне. Любопытно, что среди тех, кто оказывал поддержку сквоттерам, были некоторые церковники, оценивавшие наши действия как

богоугодные (кстати, одним из наиболее активных инициаторов сквотирования в Нью-Йорке был бывший священник - поп-расстрига), и конечно, не всегда наши отношения с соседями были плохими. В особенности это относится к Филадельфии - "городу братской любви", где анархистское присутствие в отдельных местах было весьма ощутимым и продолжительным. Главное, познакомиться с соседями, установить с ними прочные дружеские связи. В одном районе Нью-Йорка, где жила я, нас даже любили, потому что мы обеспечивали жителей услугами, которыми муниципалитет их обеспечить не мог. Однажды мы устроили субботник и очистили местный парк, где впоследствии устраивали музыкальные концерты (никто не станет жаловаться на панковскую музыку, если предварительно вы очистите парк). Поддержка соседей возникла спонтанно, когда мы расчищали местную свалку (мы хотели там устроить детскую площадку). Люди приходили и спрашивали, чем они могут помочь, собирали деньги, покупали стройматериалы. А когда дело было сделано, мы по-настоящему подружились с ними. Нам помогали с продуктами питания, владелицы лавок открыли для нас кредит, предоставляли скидки, а когда у нас возникали проблемы с ментами, все жители сбегались и прогоняли ментов. Может, они и не стали анархистами, но жизнь в районе явно изменилась к лучшему.

АКЦИИ

Если вы хотите провести акцию, то здесь, само собой разумеется, существует великое множество возможностей. Это может быть теракт, массовая демонстрация протеста, оранжевая акция, акт саботажа. Обычно в движении долго обсуждают, стоит ли делать какие-то акции и иногда, к сожалению, это кончается тем, что акция сводится к чисто символической конфронтации и не даёт никаких результатов (я, разумеется, не против конфронтации, весь вопрос в том, как и для чего всё делается). Одно дело, если акция способна привлечь внимание общественности к той или иной проблеме, если она вдохновляет самих участников на продолжение борьбы, другое дело, когда с самого начала всем ясно, что ничего такого не будет, и цель ставится только одна: продемонстрировать свою крутость и благополучно свинтиться. Хуже всего, когда люди приходят на акцию только потому, что считают себя обязанными это сделать - зрелище получается исключительно нудное. Всегда анархисты проводят какие-то акции: против разных фирм, политиков, религиозных фанатиков, ультраправых и новоправых выродков. Самое главное, чтобы среди участников акции были хорошие отношения: неформальное братство важнее формальной структуры, а всех тех, кто мнит себя лидерами, надо вовремя и не стесняясь посылать на хуй. Лидеры всегда выёбываются. Надо от них избавляться - и тем хуже для тех, кто в них (лидерах) нуждается. Одной из самых первых моих акций была студенческая забастовка (не знаю, как ещё её назвать, вообще-то там были школьники, но в русском языке нет подходящих для этого случая слов; школьная забастовка?). Всё получилось совершенно спонтанно. Несколько человек из разных школ решили протестовать против сокращений бюджетных ассигнований и написали листовки, которые на следующий день распространили в нескольких школах. Ещё через день все до одного учащиеся этих школ высыпали на улицу, там были тысячи людей, и в разных районах Нью-Йорка возникли пробки на дорогах. Когда все протестующие собрались на Уолл-Стрит, они представляли собой грозную силу, прежде всего потому, что были настроены весьма радикально. Мы разбивали полицейские машины, в ходе акции был заблокирован Бруклинский мост (много лет спустя то же самое сделали активисты негритянских организаций). Но можно спорить о том, насколько хороша такая тактика. Менты, например, легко могли окружить мост с обеих сторон, и тогда демонстрантам пришлось бы несладко. Да, конечно, массовые акции в подобных местах отрицательно влияют на бизнес и, следовательно, весьма чувствительны для него, но, с другой стороны, перегораживать улицы - значит, мешать обычным людям (а не только богачам) проехать к себе на службу или домой. Здесь важно, что в таких акциях множество людей приобретает реальный, живой опыт противостояния полиции и государству. Лично я против проведения радикальных акций, если нет никаких шансов против полиции и все участники заведомо будут арестованы. Можно, конечно, избежать ареста, да ещё и повеселиться вдоволь, но для этого требуется серьёзная подготовка и развитое воображение. Много раз на моей памяти удавалось уйти от ментов, потому что мы знали, по каким улицам лучше бежать, знали дворы, подъезды.

Или знали, в какой момент надо разбежаться, чтобы, по крайней мере, свинтили не всех. Можно обмануть ментов, например - "потерять сознание". Хорошим примером того, как ментов оставили в дураках можно считать оккупацию Тамкинс Сквер Парк в Нью-Йорке, в которой мне довелось участвовать. Мы поставили там избы и шалаши и стали в них жить. Всё это удовольствие продолжалось несколько дней. Из полицейских заграждений сложили костры, вокруг которых устроили какие-то дикие танцы и ментов это достало. Вызвали ОМОН и мы стали кричать: "Бунт! Бунт! БУНТ!" Из окрестных домов выбежало множество людей, и они сразу же присоединились к нам (показатель того, что именно такие бунтарские акции наиболее эффективны, в то время как большинство наших акций, не встречающих такой поддержки - недостаточно радикальны). Менты попытались отыскать зачинщиков, но толпа была густой и сделать это оказалось непросто. В это время мы сумели дозвониться до наших друзей, а также до СМИ, и вызвать и тех, и других на место происшествия. Короче говоря, менты ретировались и ещё несколько дней мы жили в парке совершенно спокойно.

Иногда бывает так, что люди просто взрываются, - в таких случаях обычно говорят о бунте. Бунты бывают разные, сама я участвовала в одном или двух, о которых я вообще предпочитаю не вспоминать. Впрочем, бунтами иногда называют и сравнительно небольшие локальные столкновения. Например, однажды я была в панковском клубе, когда его атаковали скины, столкновения там потом продолжались две недели. Помню также события в Окленде (в Калифорнии), это была настоящая народная экспроприация. Началось с того, что во всём городе отключили свет. Жители вышли на улицы и стали друг друга спрашивать, что же делать. Кто-то предложил идти в магазины и брать там свечи, и вдруг обнаружилось, что сигнализация не работает, а менты заняты разными делами и мало что могут сделать. Начали грабить магазины, причём в этом участвовали все, за исключением, разве что, верующих христиан (которые даже секс не любят) и сталинистов (которые предпочитают исключительно садомазохистские половые отношения). Вообще-то экс-сталинисты любят тоже, но чисто теоретически, так как боятся последствий. Но когда начинается настоящий народный экс, его уже не остановить. Не стоит объяснять, насколько важна для участников анархистских акций массовая поддержка. Американские анархисты активно участвовали в антиядерных кампаниях, в рамках которых они сотрудничали с гражданскими инициативами, с различными левыми группами. Так, в результате массовых протестов населения удалось предотвратить пуск АЭС в районе Нью-Йорка. Участвовали они и в других кампаниях, например, оказывали поддержку американским индейцам, борющимся против государства (один мой друг, поставивший индейцам оружие, получил за это 25 лет тюрьмы), в студенческих беспорядках, в акциях прямого действия против военкоматов и т.д. Но важно не только делать акции, но и делать гражданские проекты типа "Food Not Bombs" (кухни для бездомных) или переработки мусора. Анархисты должны показать всем, что они могут не только бунтовать, но и хорошо работать вместе и делать что-то полезное.

БУДУЩЕЕ АНАРХИЗМА

Чёрт его знает, что со мной случится в будущем. Я, конечно, не собираюсь становиться нормальным обывателем, но что меня ждёт? Будет ли революция? Будет ли у меня когда-нибудь возможность жить без ограничительных рамок Системы? Мне кажется, что международный капитал уже установил в мире такой порядок, что у людей сейчас есть только две возможности: объявить Системе тотальную войну, или задохнуться под её тяжестью. Хрен его знает, как оно всё обернётся, но остаётся надеяться на то, что большинство людей всё-таки хочет жить достойно и будет сопротивляться (хотя, в России, увы, народ слишком терпеливый). Порой кажется, что движения уже нет, но каждый раз появляется что-нибудь новое и, всё-таки, надежда живёт и не умирает.

Лора АКАЙ .АПЕРЕКОР №6, лето 1997 г.

Два слова о сытом и свободном капитализме

В западном, в основном, американском, анархизме существует правое крыло, известное под именем «либертарного капитализма». Идеи этой школы возникли как реакция на монополистический капитализм, сущность этой философии составляет представление о том, что подлинно рыночная экономика является здоровым явлением, и что люди работают лучше, когда заботятся о своих собственных экономических интересах. Система частных предприятий, с точки зрения «либертарных капиталистов», является самым оптимальным вариантом. Те же самые идеи можно теперь услышать и в бывшем Советском Союзе (статья написана в 1992 г. – прим.ред.), где существовала особенно жесткая форма монополистического капитализма - государственный капитализм, а командная экономика создала систему производства, приведшую к острейшему потребительскому кризису. В дискуссиях сторонники вышеупомянутой философии зачастую делают оговорку, что их видение капитализма обязательно предполагает свободное предоставление капитала всем, кто в этом заинтересован. Здесь-то и лежит основное противоречие этой философии. В случае, если бы капитал был предоставлен всем, кто в нем нуждается, могла бы существовать некоторая система конкуренции. Однако мировой рынок все в большей степени контролируется не отдельными личностями, занимающимися бизнесом, а мультинациональными и другими крупными монополиями, как раз и опирающимися на то, что они имеют доступ к непропорционально большому капиталу. Это позволяет им развивать технологию и эксплуатировать неравномерность развития мирового рынка, чтобы производить более дешевые и потому пользующиеся большим успехом товары. Мультинациональным корпорациям и их вспомогательным структурам удалось занять господствующее положение на американском потребительском рынке в основном за счет снижения цен конкуренции. Этого, однако, они достигли в основном за счет эксплуатации разницы в курсах валют и уровнях жизни. Сегодня как можно больше продукции производится за пределами Соединенных Штатов с тем, чтобы прибыль возрастала просто в силу дешевизны рабочей силы в других странах. В результате, в самой Америке некоторые производства были просто уничтожены, что привело к росту безработицы, общему ухудшению положения простых американцев, появлению городов, которые больше не обеспечивают работой своих жителей, а стоят, как памятники эпохи упадка. А когда закрываются крупные производства, вроде автомобильных заводов фирмы «Крайслер», по счетам приходится платить рядовым налогоплательщикам, то есть трудящимся.

В то время, как мультинациональные и другие крупные компании стремятся захватить контроль над большей частью мирового богатства, Восточная Европа представляет для них отличную возможность... Например, «Макдональдс», чья популярность в Америке основывается на том, что его пища дешевле, чем у его конкурентов, может чудесно чувствовать себя в Москве несмотря на высокие затраты, поскольку у него нет конкурентов. «Как вы можете объяснить человеку, что «Макдональдс» это плохо, если там так красиво, обслуживание чудесное, а еда такая вкусная?» - спрашивают меня здесь. Та же проблема существует и в Америке, где довольно большое число людей участвует в международном бойкоте «Макдональдс». Обычно людей не заботит то, что работники Макдональдс в Америке одни из наиболее жестоко эксплуатируемых, что огромное количество бумаги, необходимое его закусточным, приводит к вырубке влажных тропических лесов в Бразилии, тем самым представляя серьезную экологическую угрозу планете. Хищническое истребление лесов вынуждает местных жителей покидать свои родные места, тем самым создавая замкнутый круг нищеты и преступности, составляющих разрушительную силу в этой стране. Именно отношение типа «какое мне до этого дело?» помогает продолжать эксплуатацию стран третьего мира и продлевать жизнь капитализма. Поэтому международная кампания бойкота «Макдональдс» в основном сосредоточилась на вопросах, касающихся каждого лично, например, на том, что пищевые продукты «Макдональдс» способствуют возникновению раковых и других заболеваний. Как только это было доказано, многие покупатели стали обходить «Мак» стороной. Поняв, что так можно потерять все прибыли, «Макдональдс» был вынужден ввести в свое меню «здоровые» блюда. А это означает, что бойкот должен основываться уже на глобальных проблемах. Кто-то может сказать, что глобальные проблемы не имеют значения, когда ты голоден. Национальные проблемы, как будто, тоже теряют свою важность. Это особенно хорошо видно в стране, где многие люди пытаются заработать деньги

спекуляцией, которая отрицательно сказывается на остальных, получающих всего несколько сот рублей в месяц.

Даже поступающая с Запада «гуманитарная помощь» продается в коммерческих киосках ради получения прибыли. Забудьте о гуманизме, миром правят деньги! Американские левые, обладающие сегодня многолетним опытом, пришли к выводу, что в подобной системе многое устроено «не так». Результаты деятельности крупного капитала ощущаются во всем мире. При такой системе любое улучшение для одной стороны оборачивается потерями для другой. Представление о том, что все люди в какой-то степени выигрывают от этой системы, это миф. Из-за того, что достаточно большой процент американцев живет хорошо, многие не дают себе труда задуматься над тем, что экономика лишает довольно большую часть населения этой возможности. (В Нью-Йорке, например, около ста пятидесяти тысяч бездомных, из тех же, у кого есть жилье, одна треть получает материальную помощь, то есть живет в бедности и, если бы не эти выплаты, жила бы впроголодь. Этой зимой вновь десятки людей умрут от холода, десятки других, если не от голода, то от болезней, вызванных недоеданием). Недавно в Америке разразилась депрессия, сильно отразившаяся на трудящихся, а это значит, что бедность, которая в американской идеологии, основанной на протестантской этике, традиционно считается следствием лени, стала одной из важнейших проблем. Сегодня все больше людей приходит к выводу, что нищета - это следствие сложившейся в США экономической структуры.

С точки зрения радикальных левых и анархистов (в данном случае исключая либертарианцев) эта система не может быть реформирована. В добавление к экономическим проблемам капитализма и порождаемым им явлениям (нищете, ведущей к росту преступности, моральному разложению, острому, физически ощущаемому отчаянию), отрицательную реакцию на нее выражают даже те, кто имеет работу и достаточно стабильное материальное положение. Физическое отчуждение от жизни, сущность которой составляет работа на предпринимателя, остро переживается многими людьми. Атмосфера удушья приводит к тому, что работники испытывают большие психологические проблемы. (Если бы американцы могли прожить с «советским отношением к труду», они бы так и поступили). В результате, тысячи людей пытаются найти духовный смысл в жизни даже ценой потери материального комфорта. Другие, кажется, пытаются компенсировать ощущение своей несчастью за счет все возрастающего потребления.

Единственная по-настоящему здоровая альтернатива разрушительному экономическому порядку может быть найдена в политике глобального осознания - осознания последствий каждого своего шага. Именно такое мировоззрение позволяет нам рассматривать всех людей в их взаимосвязи друг с другом. И именно в силу этого нас заботят проблемы людей, живущих рядом с нами и за сотни километров от нас. Наши поиски мира, в котором человеческий потенциал каждого может быть реализован, в конечном счете являются поисками мира, где судьба человека зависит больше от его поступков, а не от таких произвольных факторов, как место рождения, материальное положение родителей, пол, цвет кожи и т.д. Этот мир, ошибочно называемый утопией, может существовать лишь там, где люди, как равные друг другу индивиды, контролируют базисные экономические структуры, где есть уверенность в том, что все производимое человеком отвечает его потребностям.

Выходные данные: «Освобождение личности», №2, 1992

Анархисты и "леваки": почувствуйте разницу!

Скорость забывания в нынешнем анархическом сообществе бывшего СССР столь велика, что о журнале, выходящем два года назад, никто не помнит; журнал, вышедший четыре года назад - ненаучная фантастика для восприятия свежего поколения анархистов; а статья, опубликованная в каком-то журнале пять лет назад, тем более, в журнале, у которого никогда не было своего сайта - вообще практически не существует. Именно поэтому нам пришлось в голову заново опубликовать великолепный анализ Лоры Акай, впервые напечатанный в восьмом номере "Наперекора" летом 1998 года. То, о чём писала Лора А. пять лет назад, по прежнему актуально для постсоветских условий, ибо, по большому счёту, тенденции в "общелевом" и анархическом движении остались прежними, а дискуссия, к которой призывала Лора, так и не была начата.

Данная критика важна в свете нынешнего положения в левом движении в России и заслуживает подробной политической дискуссии. Левые столкнулись с определённой общественной ситуацией в России. Она характеризуется социальной нестабильностью, рыночными реформами и атомизацией общества со всеми её последствиями. В этой ситуации сложилось левое движение, которое, во-первых, является авторитарным, во-вторых, выступает за командную экономику или государственный капитализм и, наконец, является националистическим и ксенофобским. Вот почему необходимо определить отношение анархистов к сложившемуся положению и показать, чем анархисты отличаются от этих авторитарных левых.

Определённые тенденции в русском левом и анархическом движении делают такую критику ещё более настоящей и необходимой. Во-первых, в сложившейся общественной ситуации мы могли видеть, что "левые" и "оппозиция" действуют как правые, идя к авторитаризму, заимствуя консервативные, тоталитарные, корпоративные, национал-социалистические идеи и образы. Мы видим также, что правые спёрли левую символику и некоторые (удобные им) левые идеи. Различные люди и группировки стараются синтезировать левые и правые взгляды. Из этого симбиоза в последние пять лет вышло сильное новое течение, которое старается выдать себя за левое, по крайней мере, чтобы привлечь тех, кто симпатизирует левым. Одновременно, чтобы привлечь противоположную публику, оно изображает себя правым.

Во-вторых, выросло количество людей, считающих себя анархистами, но одновременно - и частью более широкого "общелевого" движения. Они говорят на языке символов и отвергают интеллектуализм, поэтому не разбираются в тонкостях политики. Это аморфный, псевдо-"автономный" слой часто образует противоречивую массу, постоянно пытаюсь создать свой собственный синтез из разнородных анархических, леворадикальных и псевдо-леворадикальных идей. В таком синтезе анархизм представляется и переделывается в искажённой форме; резкие различия между анархизмом (либертарным коммунизмом), с одной стороны, и левачеством и авторитаризмом, с другой, размываются до такой степени, что основные понятия анархизма теряются в гуще образов и символики "анти-попа" (контркультурщины) и крутизма. В-третьих новые правые постоянно используют анархические и либертарные тексты, язык и символику, целенаправленно пытаюсь укрепиться за наш счёт. Доходит до того, что редактор чисто фашистского журнала "Элементы" А. Дугин делает доклады об анархизме, "а синтезированные" пропагандисты вроде А. Тарасова называют таких подлецов, как А. Цветков, бывшего редактора нацистской "Лимонки", и Д. Костенко, националиста и сторонника партийности, анархистами, но и людьми, более анархичными, чем те, которые не хотят сотрудничать с нацистами и тоталитаристами.

В такой ситуации сама концепция анархизма превращается его врагами, которые выступают в роли троянского коня, в нечто совершенно туманное. Наконец, из-за малочисленности настоящих анархистов и чистых (неленинских) марксистов, сторонников рабочих советов или даже нормальных левых, многие потенциальные активисты вынуждены обращаться к более крупным (по левым меркам) организациям или их членам за информацией или за сотрудничеством, привлекая их к участию в своих акциях. Речь идёт даже не об их стремлении достичь "критической

массы" - они жаждут прилива "свежей крови", прихода новых людей, с которыми они могли бы создать фундамент для новой альтернативной сцены. В итоге возникает своего сотрудничества между людьми с различными политическими взглядами (или иногда без чётких политических взглядов), которые объединены в основном просто отрицанием рынка и буржуазной культуры. Во почему контркультурная среда пока не стала очагом либертарного и анархического действия; она легче порождает фашистов, что сейчас и происходит. поскольку многие из наших товарищей хотят создать анархическую контркультуру как деклассированную форму элитаризма, и стараться избавиться от таких элементов. Если они этого не сделают, она превратится в рассадник нового правого "синтезированного" радикализма, а не в зародыш элитарного радикализма, как им бы хотелось.

Анархисты и "леваки" - разница есть!

Понятно, что нужно объяснить разницу между анархистами и РНЕ. Разница вполне очевидна. Баркашовцы - "цивилы", и потому их стиль не может ввести в заблуждение. Труднее для многих ощутить разницу между анархизмом и другими левыми и понять, почему нельзя их поддерживать или вступать с ними в блок. Почему Че Гевара заслуживает посмертной пули в затылок, а не попсового символического идолопоклонства? Почему, когда мы думаем о Северной Корее, мы вспоминаем не о последнем оплоте против рынка, а о железном кулаке и железных решётках? Почему мы всё-таки критически относимся к сапатистам, чеченскому государству и Афганскому национальному конгрессу, ко всем левым антиимпериалистическим, но национал-государственным движениям? Почему мы сами хотели бы дать Троцкому ледорубом? Почему мы подтираем свои задницы "Бумбарашем" и хотим послать лимонку "Лимонке"? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны посмотреть, что они предлагают, и увидеть, как их стратегия уничтожает всё то, что мы хотели бы построить.

Прежде всего, анархия означает прямое участие, прямое принятие решений. Мы не хотим никакого государства, никаких начальников, никакого революционного комитета над нами. Мы хотим, чтобы люди сами справлялись со своими аспектами социальной жизни. Люди могут делать это сами, в маленьких группах или одни, в общинах или коллективах. Чтобы осуществить эту свободу, надо верить, что человек, освободившийся от привычек, насаждаемых системой, действительно может управлять сам собой. (На самом деле мы и сейчас всё делаем, но при посредничестве экспертов, которые наняты эксплуататорами, но эксплуатируются системой. При анархии эксперты сами свободно будут делиться своими знаниями вместо того, чтобы продавать их по наилучшей цене). Поэтому очевидно, что мы не можем поддерживать политические силы, которые хотели бы заменить нынешнюю систему своей собственной властью. Понятно, что нельзя поддерживать КПРФ, но в отношении других коммунистических течений многие почему-то считают иначе. Некоторые полагают, что у нас с ними общая задача - ликвидация капитализма. Сторонники "общей задачи" (разрушения, а не строительства нового) забывают спросить: чего же хотят "коммунисты"? Чем они хотят заменить существующую систему? Некоторые полагают, что об этом можно будет подумать потом, а пока "всё идёт по плану". В прошлом многие так думали, и эта ошибка стоила им жизни.

На самом деле подавляющее большинство левых, псевдоловых/новых правых группировок в России не обсуждают такие "мелкие" вопросы, как принципы организации общества. Они только запутали бы людей; многие не присоединились бы к ним или сразу бы сбежали подальше. Всё это очень плохо, потому что вожди наверняка знают, чего они сами хотят, и при случае предложат свои варианты. Масса бунтарей, оставшись без программы или плана действий, попросту последует за ними, даже если прежде она испытывала сомнения. Когда эти группировки ведут речь о благосостоянии людей, всё это дешёвый популизм. Таким был и язык Ленина, Гитлера, Перона, Лукашенко, язык сотен "отцов народов" в истории, которые сумели сыграть в популизм, бунтарство и революцию. Они катились на волне Отказа, пока сами не пришли к власти. А тогда они избавлялись от оппозиции, в том числе и от той, которая решала "общую задачу" с ними. Какое коварство!

Необходимо видеть, как политические активисты относятся к народу. Элитаризм - это то, что ведёт к фашизму; революционный авангард может превратиться в тоталитарных диктаторов. Элитарист полагает, что общество состоит из кучи дебилов, которые сами не в состоянии управлять собой. Когда он хочет изобразить из себя гуманиста, он утверждает, что люди сами не желают возлагать на себя такое бремя. Возможно, сейчас это так, но это временное состояние, следствие того, что сама система лишает людей возможности управлять собой и люди к этому не привыкли. В человеческой природе это отнюдь не заложено.

Анархисты стремятся изменить это положение, хотят воодушевить людей, чтобы они смогли вернуть себе контроль над собственной жизнью. Государственники и "вожди" сами хотят управлять всем и всеми, им наплевать, участвуют в этом люди или нет. На самом деле, они скорее всего вообще не хотят, чтобы люди участвовали в решении судеб общества, они боятся участия "низов".

В тик называемом "левым" движении в России можно встретить таких элитаристов, часто скрывающихся под маской популизма. Бывают и подсознательные элитаристы. Обычно это "рядовые" революционеры, которые сегодня не имеют чёткой позиции по этому вопросу или даже вроде бы против элитаристов, но в решающий момент станут на их сторону. Таких людей много в контркультуре, поскольку она служит очагом скрытого, подсознательного элитаризма. Общая нить, которая пронизывает её, - это ненависть к существующей культуре, потребительской, развлекательной или бытовой. Я могу понять эту ненависть. Но элитарист направляет её и на обыкновенных людей, то есть на "массы", воспринимая себя в качестве противостоящего им "авангарда".

Недавно мы могли наблюдать это на примере группы так называемых радикальных художников в Москве, тусующихся вокруг журнала "Радек". Они создали "контрольную комиссию", претендующую на то, чтобы определить политику государства. Они и мысли не допускают, что люди могут сами управлять своей жизнью. Они воспринимают себя в качестве экспертов и законодателей (что, при учёте их полной неграмотности в экономике, вообще смехотворно!). Высокомерие этих лиц очевидно. В разгар забастовки шахтёров, игнорируя все проблемы российского общества, они не смогли придумать ничего лучшего, кроме как требовать ЛИЧНО СЕБЕ зарплаты в 1200 долларов в месяц, легализации наркотиков и безвизовых поездок. (В принципе, я не имею ничего против этих требований, но не думаю, что наркотики должны иметь приоритет в тот момент, когда миллионам рабочих не на что есть. К тому же, потребление тяжёлых наркотиков - результат общества отчуждения. Не лучше ли было бы сделать жизнь прекрасным карнавалом, в котором участвуют все, вместо того, чтобы обрекать себя на саморазрушение и материализм?).

У нас есть общее с теми, кто выступает за широкое участие масс в общественной жизни, например, со сторонниками рабочих Советов. Но у нас мало общего с "революционным авангардом" и вообще нет ничего общего с политическими партиями. Мы отличаемся от "леваков" по многим важным пунктам. Ещё один из них - это интернационализм. Мы критически относимся к национально-освободительным движениям и иллюзиям политики антиимпериализма. Многие "леваки" описывают Россию как колонию иностранного капитала, практически утверждая, что достаточно выгнать иностранцев, чтобы решить все проблемы. Сразу приходит в голову реклама Брынцалова, который призывает покупать только русские лекарства, чтобы "деньги остались в России", точнее, чтобы он мог купить себе больше золотых ручек, а его жена - больше кожаных трусов. А мы вообще против любой эксплуатации. Если бы Россия не была включена в мировую экономику, всё равно эксплуатация сохранилась бы (факт, что при "Советской" власти доля рабочих в валовом национальном продукте составляла даже при учёте "общественных фондов" 20%, а в США - 60%). Эта антиимпериалистическая риторика скорее напоминает "советскую" ксенофобскую пропаганду. Анархисты, в отличие от этого, выступают за сотрудничество людей, независимо от места рождения или жительства.

Долой капитализм и наёмный труд!

Начнём с оговорки: различные анархисты придерживаются разных представлений о том, как может выглядеть экономика и материальная жизнь анархического общества. Но, в основном, все согласны, что средства производства не должны контролироваться корпорациями, и что все должны иметь равные возможности управлять своими собственными делами. Так что говоря об отличиях взглядов анархистов и "коммунистов", я излагаю позицию большинства анархистов.

Государственный капитализм

Многие из так называемых "коммунистов" выступают фактически за ту или иную форму государственного капитализма. При этой модели прибавочная стоимость присваивается государством, а рабочие производят её посредством рабского труда. Определяя курс экономической жизни, государство стремится получить как можно больше прибавочной стоимости, невзирая на такие вредные последствия для общества и всей планеты, как урбанизация, истощение ресурсов и т.д.

Что происходит в действительности при централизованном планировании экономики? Во-первых, возникает слой бюрократов, которые, занимаясь распределением материальных благ, могут обеспечивать выделение денег в собственных интересах и привилегии для самих себя. (Нынешний кризис в российской экономике возник частично благодаря тому, что правящие круги привыкли распределять блага по собственному произволу, безо всякой отчётности.) Во-вторых, развивается командная экономика, не всегда удовлетворяющая нужды потребителей. Возникали смешные ситуации: люди производили продукты питания, которые затем перевозились в другие регионы, и производителям приходилось ездить туда, покупать их и привозить их обратно. Такой абсурд возможен только там, где сами работники не имеют никаких прав, а говорит и решает только всемогущее государство. Также происходит раскол трудящихся на иерархические и корпоративные группировки, а их положение на работе лишает их возможности контролировать содержание самого процесса производства. Наконец, законодательно запрещаются все частные и кооперативные инициативы, которые могут угрожать государственному контролю. Большинство трудящихся живут в бедности, у них нет возможности накопить деньги или достать их, они не могут создать свои собственные кооперативы, строить себе жильё или делать что-либо ещё, не дозволяемое государством.

Такой тоталитаризм с его ЧК, которая должна контролировать бунтарей или "мелкобуржуазные" элементы вроде мелких кооперативов, не имеет ничего общего с анархизмом. Вместо этого мы выступаем за менее автоматизированное общество, в котором ресурсы, средства производства и предметы коммунального обихода были бы общими и доступными для всех тех, кто ими пользуется (когда ресурсы являются общими, можно сократить расход сил и средств до минимума, и тогда не придётся тратить всё своё время, чтобы производить вещи, которые потом придётся покупать обратно). Люди могли бы оберегать окружающую среду и Землю, организовать работу, позволяя всем участвовать в принятии решений, легко поставить дело так, чтобы у всех было больше свободного времени для того, чтобы участвовать в общественной жизни и развивать свои способности и интересы. пока экономика контролируется господствующим классом, приоритет будет иметь не удовлетворение потребностей человечества, а материальное накопление. С точки зрения правителей, человек - это лишь часть огромного механизма. Только те, кто не считает себя такой частью, могут жить и вести себя, как люди.

Займём чёткую позицию!

Нам нужны позитивные представления о будущем, которые показали бы, как люди могут взаимодействовать, организовывать производство и управлять обществом. Анархисты всегда предлагали альтернативные образцы общества; чаще всего они основаны на федерации коммун и индивидуумов. Единственной формой представительства в них служат делегаты, отзывающиеся в любой момент. Чтобы открыть такую возможность в крупном масштабе, необходимо, конечно же, свергнуть существующую систему.

Российское левое движение полно "оппозиционеров", которые протестуют против того или иного зла: глобализации, капитализма, фашизма, милитаризма... Всё это, конечно, нормально, но дело в том, что быть против чего-нибудь недостаточно, чтобы объединить людей для позитивного изменения общества. Если объединиться только под лозунгом протеста, то человек рискует попасть в одну компанию с теми, чью политику он не понимает и не разделяет. Иногда беспринципные активисты и организаторы даже скрывают свою настоящую позицию, чтобы привлечь в свои группы как можно больше людей, чтобы набрать политический капитал и сделать себе рекламу. Но настоящее конструктивное действие редко проистекает из таких союзов. В последнее время в России мы видим чудовищное злоупотребление политическими терминами и идеями со стороны либо идиотов, либо, наоборот, весьма умных личностей, которые понимают, как можно обманывать людей. Наиболее часто встречающийся феномен - амальгама авторитарных и антиавторитарных идей, которые противоречат друг другу, но каким-то образом перерабатываются и соединяются. Наверное, страшнее всего будет, если элементы фашистских представлений внедрятся в общество и угнездятся в политических теориях. Есть немало людей, желающих осуществить синтез левого и правого радикализма. Большинство левых отказывается от такого синтеза, но иногда они и сами, не разбираясь в тонкостях, заимствуют часть новых правых или тоталитарных идей.

Чтобы понять, почему нам нужна ясная позитивная программа и почему надо отказаться от идеи "синтеза", достаточно взглянуть на историю. Подобные попытки соединить правый и левый радикализм уже бывали в прошлом. Самый известный пример - фашизм Муссолини в Италии. Многие люди считают определяющими критериями фашизма расовую ненависть и тоталитаризм. Но расовая ненависть - не обязательный признак фашизма. Фашистские движения всегда старались сплавить правые и левые идеи. Из этого синтеза должен был получиться некий радикальный "третий путь". Важную роль для фашистов играла "антибуржуазность" - тот же самый настрой, который сегодня привлекает многих в России. Фашисты обещали трудящимся социальные гарантии и обеспеченную жизнь, ставили принцип идеала выше потребления материальных благ. Они выступали и против классового общества. Это сходство в отрицании буржуазного общества и должно было стать основой для привлечения левых в общую с фашистами коалицию. (Лидер современных итальянских неофашистов Пино Раути, бывший организатор террористических нападений на левых, тоже заявляет о своём "антикапитализме" и предлагает недавно коммунистам, социалистам и "зелёным" создание политического блока.) Но при этом фашисты никогда не отказывались от идеи частной собственности и, самое главное, всегда отвергали гуманизм и совсем иначе, чем левые, относились к свободе. Антибуржуазная политика не может сама по себе стать основой для общего политического языка. Когда люди типа А. Тарасова говорят о возможности сотрудничества с "лимоновцами" потому, что те "антибуржуазны", они становятся попросту апологетами фашизма.

Социально-экономический кризис всегда способствует росту фашизма, особенно падение роста жизни среднего человека. Постсоветская Россия стала полигоном для фашизма прежде всего из-за социально-экономических перемен и реакции на них. Быстрые социальные изменения вызывают у людей ощущение оторванности от общества. Фашисты же обещают возродить утраченную стабильность, восстановить порядок, вернуть человеку его место в обществе. Они

используют чувство ностальгии, которое в сегодняшней России может объединить "коммунистическую" левую с фашистами и новыми правыми. Фашисты говорят и о благосостоянии народа - ещё один общий программный пункт с тоталитарными "коммунистами". Анархисты же отвергают теорию сильного государства, которое должно защищать народ. Сильного государства хотят фашисты и тоталитарии-"коммунисты", но не мы. В этом смысле коммуяги и фашики находятся по одну сторону политической баррикады, которая в данном случае разделяет не правых и левых, а авторитаристов и сторонников свободы. Популизм и идея возрождения нации обладают особыми преимуществами. Их туманность и неопределенность способны привлечь как традиционалистов-консерваторов, так и радикальных "обновленцев". Важную роль играет при этом понятие "нации". Именно оно стоит в центре их идеологии, сколько бы они ни говорили о синтезе левых, правых или каких бы то ни было других идей. Все постсоветские национал-патриотические тенденции тоже выдвигают эту задачу - вернуть народу "былую славу". Идея нации не обязательно носит расовый характер, как у Гитлера. Муссолини, например, утверждал, что нация может включать людей, живущих в разных регионах, принадлежащих к разным народам и говорящих на разных языках. Такая же теория была у НБП (до недавнего раскола).

Фашисты часто говорили о "пролетарском братстве". Например, Муссолини заявлял, что турецкие и арабские пролетарии - его братья. Многие новые правые тоже признают проблемы других стран, но предлагают националистические решения. Фашистский теоретик Юлиус Эвола был даже большим поклонником национально-освободительных движений в "Третьем мире", именно потому, что хотел раздельного существования всех наций. В США есть правые, выступающие против американского экономического империализма и глобализации как вредящих рабочему классу. Анархисты, напротив, не желают признавать идеи нации и национального разделения; они понимают нацию как порождение государства. Идея национальных движений всегда является инструментом новой политической власти.

Важно понять, что фашисты часто заимствуют идеи из левых и правых теорий. Они брали на вооружение левые идеи, которые могли совпадать с их антибуржуазной пропагандой и проповедью материального благополучия. В то же время, они отбрасывают все более радикальные социалистические или анархические идеи. Многие левые были обмануты фашистами, поскольку они сосредотачивались на общей негативной программе и не заняли чёткой антитоталитарной позиции. Одним из таких людей был синдикалист Жорж Сорель, который вначале симпатизировал Муссолини, а затем критиковал его, поскольку тот стал менее радикальным, более прагматичным и предал корпоратизм богачам. Сорель не был расистом и, вероятно, если бы он понял до конца, к чему ведёт фашизм, он бы не имел с ним дела. Но, к сожалению, он утонул в беспринципности политической тактики. Сорель был элитаристом-интеллектуалом и недооценивал умственные способности масс. Его основным вкладом в стратегию Муссолини стала мысль о том, что рабочая масса может воспринять революционное сознание только через мифы. Эта идея находилась в резком противоречии с анархическим, либертарно-социалистическим и эгалитарно-коммунистическим духом взаимного просвещения людей как существ достаточно разумных для того, чтобы рационально решать свои проблемы. Анархисты воспринимают мифологию как инструмент социального контроля со стороны правящих элит. Ко времени первой мировой войны Сорель сделал вывод, что таким мифом, способным мобилизовать людей, может быть национализм; так он помог развивать фашизм. Многие из левых и новых правых в России тоже пользуются мифами, чтобы привлекать людей. Один из тех, кто открыто хвалит эту стратегию - историк-ревизионист и апологет правых А. Тарасов. Несколько раз он сам сочинял легенды и вообще активно занимался мифотворчеством. Люди типа Д. Костенко, П. Былевского и А. Цветкова тоже широко употребляют этот инструмент. Они легко обманывают тех, кто ничего не знает, и убеждают других, что это всего лишь игра и "оранжевая провокация".

Радикальная "коммунистическая" пресса иногда выглядит как набор таких мифов. Наиболее отвратительное впечатление оставляет "Бумбараш", в котором можно обнаружить мифы о Мао,

Сталине, "Седеро люминосо", Пол Поте; при этом как "незначительные детали" опускаются все данные о репрессиях, убийствах, всё описание того, что происходило с бунтарями при таких режимах. Всё это так, мелочи. То же самое относится к немалому числу псевдоанархических автономных журналов, где рекламируется любая первая попавшаяся герилья. Если ещё допустимо предположить, что леворадикальный журнал может писать о Че Геваре или о РАФ, то Ким Ир Сен и "Сендеро люминосо" настолько далеки от анархизма, что статьи о них вызывают уж очень серьёзные вопросы. Меня беспокоит панковский антиинтеллектуализм, потому что легко видеть, как нехватка информации используется элитами для того, чтобы внедрять в голову людей мифы. Но вернёмся к итальянскому фашизму. Бенито Муссолини был вначале членом Итальянской соцпартии и пытался создать леворадикальный блок. Он стал редактором газеты "Аванти!". Вокруг него шлялись всякие радикальные художники и писатели. Это напоминает мне ситуацию с "Лимонкой". Среди этих писателей были такие знаменитости как Габриэль Д'Аннунцио, Энрико Коррадини (автор тезиса о "пролетарских нациях") и Джованни Папини (в то время самый популярный писатель страны). Все они питали сильную враждебность к буржуазному обществу. Они подарили фашистам молодёжный авангардный стиль, который позволил им выглядеть ново и интересно. Папини был крайним элитаристом и обожал не только мифы, но и сознательно искажение. Он много болтал о международном братстве только потому, что хотел придать движению моральный фасад. Папини намеренно пытался обмануть и привлечь социалистов, ощущавших дискомфорт в связи с фашистским национализмом. Коррадини ненавидел буржуазное государство и был оригинальным сторонником "крутизма". Он хотел создать образ героя для толпы (как и нынешние "лимоновцы" или Костенко). Но ещё хуже были Д'Аннунцио и Маринетти. Этот последний, известный художник и футурист, был по популярности на втором месте после Муссолини. Он считал себя ультрарадикалом. Его идея войны как единственного способа оздоровления мира стала очень популярной в революционной контркультуре и авангарде.

Затем Муссолини выдвинул идею "фаши ди комбаттименто" - вооружённых бригад. Их программа соединяла различные элементы - от требований материального благополучия до сексуальной свободы; всё годилось, чтобы привлечь молодёжь, которую он считал авангардом революции. Фашисты хотели, чтобы эти "партизаны" подчинялись строгой дисциплине. Левые лозунги общественного благополучия сплавлялись с правым авторитаризмом. После победы революции удержать её результаты должно было сильное государство.

Д'Аннунцио как культовая фигура был в какой-то степени похож на Лимонова (он тоже воевал в Югославии, но куда успешнее). Он развивал представление о роли символов. В нынешней молодёжной политике эта символика играет важную роль.

Короче говоря, история итальянского фашизма имеет очень много общего с его нынешним русским аналогом. Как и с ранними немецкими фашистами. Они много заимствовали из немецкого романтизма и националистического движения "фёлькише", которое обожествляло природу и всё национальное. Они проповедовали элитарные идеи противоборства силы гения и косности масс. Авангардные художники, считавшие себя силой, борющейся с буржуазным обществом, подкрепляли эту позицию. Декларируемая забота о благосостоянии народа носила чисто патерналистский характер: в глубине души эти авангардисты ненавидели массы, считая их носителями буржуазной культуры.

Наиболее прямые связи существуют между идеологией НБП (до раскола) и взглядами Ю. Эвола - любимого фашиста А. Дугина. Эвола родился в 1898 году, стал молодым художником как раз в период апогея итальянского фашизма. Он стал футуристом и дадаистом. Эвола обожал эзотерику, был язычником и наслаждался духовностью. К "материалистическому декаденству" он испытывал острую ненависть. После второй мировой войны, когда фашизм превратился уже в ругательное слово, он сумел найти общий пункт с левыми и обличал американизацию Европы. Эвола выступал против мультинациональных корпораций, но аргументировал это с точки зрения националистов. То же самое легко обнаружить в российском левом движении.

Как и все авангардисты, Эвола выдвигал идею "политического солдата" - молодёжного авангарда, ведущего борьбу против "капиталистического декадентства". Эту идею любят как правые, так и левые. Но анархисты относятся к ней критически. С одной стороны, стратегия кажется логичной: молодёжь рассержена и хочет изменений. Но у этой стратегии есть и существенные недостатки. Во-первых, возраст не обязательно определяет политическую ориентацию, думать иначе - такая же глупость, как и идея нации. Новое поколение совершенно не обязательно бывает более радикальным, чем старое. Разделять таким образом людей плохо, но, с точки зрения манипулирующих ими "вождей" - очень удобно. Молодёжь может смотреть на себя как на авангард только потому, что она молода. Но мы, анархисты, не хотим, чтобы люди чувствовали себя авангардом. Мы хотим, чтобы они поняли, что конкретно следует делать. Мы не желаем, чтобы люди были только солдатами в войнах беспринципных "вождей". Мы стремимся, чтобы люди поняли идеи, старались каким-то образом осуществить их и стали катализаторами революции. Мы не намерены играть в символику, мифотворчество и т.д. Мы хотим стимулировать мозги людей. Мы предпочитаем конструктивный социализм дешёвому негативизму. Пусть люди ощущают себя как составную часть своего общества в целом, а не как принадлежащих к категориям "студент", "панк", "рабочий" и т.п.

В левом движении есть множество беспринципных деятелей, которым просто нужна "масса". На самом же деле они не уважают тех людей, которых они вербуют. Часто это трудно понять, поскольку они лизжут задницу молодёжи и контркультурщикам. Но несмотря на эту анальную любовь, субкультурная молодёжь для них - лишь пешки в политической игре. Их отношение становится ясным, когда понимаешь, что они сознательно дезинформируют людей, скрывают свою политику в отношении молодёжи, или когда слышишь их утверждения, что молодым нужно только "хлеба и зрелищ".

Честно говоря, в конце концов мы предпочитаем, чтобы люди, которые вообще не могут разобраться в политике, отошли в сторону. Это лучше, чем пытаться синтезировать анархизм и ленинизм. Мы и так тратим слишком много времени, исправляя всяческий бред, который наносят нам псевдолевые и новые правые. Мы считаем, что у нас нагло крадут позитивный образ свободы, чтобы манипулировать людьми. Возьмём известный инцидент на концерте "Русский прорыв" несколько лет назад. На нём выступали Лимонов и Дугин. Первый прокричал: "Слава России!" (националистический лозунг), "Мы самая большая белая нация в Европе" (расистский и империалистский лозунг), "С нами бог!" (религиозный лозунг), "С нами Саша Баркашов" (фашистский лозунг), "С нами Витька Анпилов" ("коммунистический лозунг), наконец, "Анархия - мать порядка!". Панки были в экстазе. Но, конечно, это всё не одно и то же. В середине концерта слово взял Дугин. Он сказал: "есть время разрушать и время строить! Сейчас время разрушать.". Дугин встретил крайне резкую реакцию протеста со стороны панков, которые закричали: "Фашизм - на ...". Эта абсурдная ситуация очень показательна. С одной стороны, Дугин - фашист, и его крик был типичным для фашиста. Но это был не чисто фашистский лозунг. Лимонов тоже фашист. И именно он провозгласил фашистские специфические лозунги. Но ему аплодировали. Наверное, панки воспринимали Лимонова как контркультурную фигуру, а Дугина - как "цивильного" интеллектуала. Можно видеть, что самое успешное оружие новых правых - это эстетика и авангардная мода. На самом же деле Лимонов и Дугин не столь уж и разные, просто они играют разные роли. Именно Дугин является "мозгом", но ему нужны люди вроде Лимонова и Цветкова, чтобы создавать стиль.

После того, как фашисты обманут людей, они будут похлопывать их по спине, подлизываться к ним, говорить им, что они - самые революционные элементы. Тогда приходим мы и говорим им правду. Мы понимаем, что с тактикой фашистов проще набирать людей, но надеемся, что вечная красота нашей цели победит. Настоящую социальную революцию можно совершить только на этических основах.

«Мухерес Либрес»(Свободные Женщины)

Опыт испанской революции чрезвычайно интересен для анархистов, поскольку анархисты в ней сумели выступить как мощная организованная сила и на практике проверить верность своих теоретических построений. Существенным для них было стремление изменить не только производственные отношения и основанное на них распределение материальных благ, но также преобразовать все сферы жизни общества на более либертарных, человеческих принципах. В 1936 году женщины-анархистки организовали группу «Мухерес Либрес» (Свободные женщины). Они сознавали, что подлинная свобода не может существовать без равенства в отношениях между полами, и что это равенство не может быть даровано никем «сверху», как привилегия, но лишь достигнуто в процессе самоорганизации людей.

«Мухерес Либрес» понимали, что даже прекращение экономической эксплуатации, которое было провозглашено в ходе Испанской революции, не устраняло в полной мере иерархичности в существующих гендерных (половых) ролях. Давление, оказываемое церковью и обществом на женщин, было так велико, что они пришли к необходимости самостоятельно выступить в защиту своих прав.

В ходе революции люди часто спонтанно самоорганизовывались по различным поводам, объединяясь в группы и федерации. Женщины участвовали не только в движении «Мухерес Либрес», но и в других общественных инициативах, начиная с «Атенеос либертариос» (Свободные культурные центры) и кончая Союдами парикмахеров. Но прежде всего необходимо было объединяться для защиты своих прав на производстве. Женщины в большей степени, чем мужчины, зависели от своих работодателей: и оттого, что они получали меньшую зарплату, и оттого, что им было необходимо поддерживать свои семьи, и по другим причинам. Например, в Барселоне в начале века мужчины гораздо чаще женщин участвовали в забастовках. Но женщины стали более активны, и ситуация в целом изменилась в период с 1910 по 1920 годы. Женщины в это время устраивали много забастовок, некоторые из которых перерастали локальные рамки и вызывали широкую поддержку общественности. Нередко случалось и наоборот: начинались общественные движения, в поддержку которых выступали рабочие и работницы.

В 1918 году в результате Первой мировой войны в Испании (как и во всей Европе) резко упал уровень жизни, и в ответ началась так называемая «женская война»: женщины выходили на улицы и устраивали акции прямого действия, включая экспроприации (1), и призывали других присоединяться к их выступлениям. Они действовали вместе, постепенно расширяя и углубляя свои требования. Женщины требовали повышения качества жизни: изменения условий труда и большего представительства в руководстве профсоюзов, особенно в тех отраслях, где они составляли большинство трудящихся. Впоследствии эти мощные женские выступления создали почву для появления такого либертарного и радикального движения как «Мухерес Либрес». К сожалению, надо отметить, что существовавшие в то время в Испании анархические организации не участвовали в процессе возникновения женских инициатив, носивших стихийный характер. Анархический профсоюз CNT ослабел после всеобщей забастовки 1917 года (2). На Каталонском региональном конгрессе CNT в 1918 году не было ни одной женщины-делегата. Но, несмотря ни на что, среди анархистов появлялось всё больше женщин, которые были всё активнее. Анархическое движение росло, охватывало различные сферы общественной жизни, и одновременно усиливался приток женщин в него.

Женщинам пришлось бороться за уважение к себе и против «двойных стандартов». К сожалению, эти «двойные стандарты» встречались и внутри самих социальных движений: женщины видели, что их мужья выступают за равенство на производстве и при этом взваливают все домашнее хозяйство на плечи жён. Однако очевидно, что борьба против эксплуатации труда должна иметь в виду не только наёмный, но и домашний труд. Официально деятели CNT признавали равенство полов, но, как все мы знаем, существует дистанция между теорией и практикой. Когда женщины это осознали и начали самоорганизовываться, многое изменилось – не только у них дома, но и в обществе – что, разумеется, взаимосвязано.

«Мухерес Либрес» существовали как отдельная организация, численность которой достигла 80 тысяч человек. Эта организация регулярно взаимодействовала с другими анархическими группами. Однако её члены настаивали на существовании своей отдельной организации, чтобы общество приняло их всерьёз, как самостоятельную политическую силу, способную действовать наравне с мужчинами.

«Мухерес Либрес» критиковали существующие в обществе стереотипы о половых ролях, ставящие женщину на низшую ступень в социальной иерархии. Анализируя общество и критикуя существующую в нём иерархичность, анархистки стремились к созданию объёмной и целостной картины, не привязанной исключительно к одному какому-то фактору, лежащему в основе доминирования одних людей над другими. Поэтому «Мухерес Либрес» представляли одно из наиболее «продвинутых» течений в анархо-феминизме, отрицающее все вины господства и угнетения в обществе.

«Мухерес Либрес» особенно активно участвовали в образовательных программах. Они провели кампанию против безграмотности, организовали курсы профессиональной подготовки, устраивали занятия по изучению истории, культуры, иностранных языков и по другим гуманитарным дисциплинам. Особенно важными были занятия по «социальному образованию», посвящённые изучению функционирования общества и возможностей его переустройства на альтернативных принципах.

Вопрос, который обычно задают люди, интересующиеся «Мухерес Либрес»: участвовали ли они в боевых действиях в ходе гражданской войны? Ответ на него, конечно, утвердительный. Если в этом возникала необходимость, если та или иная женщина желала и могла сражаться, то она вступала в ряды анархической милиции и участвовала в боях против франкистов.

Что же изучалось с «Мухерес Либрес» потом? Конечно, судьба этой организации тесно связана с судьбой всего испанского анархического движения. Её участницы были подвергнуты репрессиям или продолжили свою борьбу в эмиграции, однако их идеи, их опыт не погибли и будут жить ещё долго. Их главный урок: нельзя разрывать борьбу против различных форм угнетения; не может быть освобождения человечества без освобождения женщины; не может быть анархизма без феминизма.

P.S. Сегодня в различных странах существуют группы, называющие себя «Мухерес Либрес» в честь испанской организации 30-х годов.

Лора Акай («Наперекор». 1999. №9)

Примечания:

1. В ходе этих выступлений нередко экспроприировались в булочных и магазинах и распределялись среди населения продукты питания.

2. После 1919 г. ряды CNT начали стремительно расти, но с 1923 г. профсоюзу пришлось уйти в подполье. Его возрождение произошло только с начала 1930-х годов. __